

Сибирячка

Очерк об Анне Романовне Златкиной

Г.Д. Климова

Сказать, что моя мама Анна Романовна Златкина любила свою профессию – значит, не сказать ничего. Она не могла жить без медицины, без клиники, без пациентов, без научных конференций. И не жила, потому что не умела... Даже тяжело больная, находясь в отделении реанимации, она держала под подушкой монографию «Болезни кишечника».

Так и вижу картинку: за большим письменным столом, заваленным огромным количеством бумаг и бумажек вперемешку с монографиями, медицинскими журналами на русском и на английском, с авторефератами, статьями, блокнотами, записными книжками, ручками и карандашами (она великолепно ориентировалась в этом хаосе), сидит, низко склонившись, Анна Романовна... Переводит статью или пишет выступление для очередного заседания терапевтического общества, или готовит доклад для гастроэнтерологической школы в Пущино. Как она это любила! До самозабвения. В этом были смысл и радость, и наполненность ее жизни.

С детства осознав себя сибирячкой, Анна Романовна не забывала об этом никогда. Возможно, суровый сибирский климат способствовал крепкому складу ее личности – жизненной стойкой, оптимистичной, энергетически сильной. Возможно, эти качества были заданы особой комбинацией родительских генов или расположением небесных звезд. Кто знает?

Она родилась под Петропавловском (сейчас это территория Казахстана), в селе Пески в простой семье, где мама Федосья Захаровна Калганова занималась домашним хозяйством (в деревне это не только кухня, но и огород, и скотина, и полевые работы), а отец Роман Иванович Орешкин – по плотницкому делу, по столярному, по сапожному.

Анечка, Анютка, Анёк-огонёк – как ласково называл ее отец – была второй дочкой Федосьи Захаровны, которая в свои двадцать лет осталась вдовой с двухлетней Соней на руках. Не устояв перед настойчивыми ухаживаниями приезжего из Тульской губернии Романа Ивановича Орешкина, работника ткацкой фабрики – видный был кавалер – вышла за него замуж, хотя он и был старше ее на шестнадцать лет. Вскоре на свет появилась Аня, Анна Романовна Орешкина.

В начале 1920-х годов под Петропавловском много раз переворачивалась власть: то «красная», то «белая», то снова – «красная». Было тревожно. Роман Иванович засобирился в родные места, поближе к Москве, в Богородск. Он позвал за собой и жену Фенечку с дочкой Аней и падчерицей Соней. Договорились, что через полгода встретятся в Богородске (теперь уже – Ногинске), на Советской улице, где проживал Роман Иванович.

Шел 1924-й год. Москва еще не проснулась, когда крепкая деревенская молодка пересекла Каланчевскую площадь. Только что не в зубах

тащила она прикрытую холстинкой корзину, деревянный чемодан и наперевес через плечо пару мешков с мукой. Вцепившись в подол цветастой юбки, сбоку попевали за ней две дочки: старшая, светлоглазая и светловолосая Соня – с узлом – и темненькая младшая Аня – с медным чайником. Казалось, эти неказистые пожитки нисколько не обременяли, но свободно вмещали все их прошлое из далекой суровой Сибири, обещающая продолжение здесь, в России, где жил Роман Иванович Орешкин.

К нему и ехала Феня с детьми.

Роман взял ее в «жёнки» по новому советскому обычаю: без священника, без родительского благословения и без штампа в паспорте. Жили уважительно, надежно, да и нельзя было иначе с этой домовитой и горячей Фенечкой. И Роман старался для семьи. Он любил рассказывать о городской жизни, о фабрике, – тосковал, наверное.

Еще до революции семья Орешкиных переехала из Тульской губернии в соседнюю Московскую, где размещались знаменитые на всю Россию мануфактуры текстильной империи фабрикантов Морозовых, производившие все: от бархата и шелка до муслина, ситца, сатина, бязи и прочих ходовых тканей. Уже в те годы красным вагоном громыхал по однопутной трамвай, возивший через весь город, протянувшийся по левому берегу Клязьмы от села Глухова до села Истомкина, фабричных рабочих. Орешкины поселились в одной из многоэтажных – в четырехэтажной – краснокирпичных рабочих казарм в Глухове, которые и сейчас вместе со старинными фабричными цехами – исторический памятник промышленной архитектуры – стоят на улице имени почившей Советской Конституции, которую пересекает улица со странно уцелевшим названием – Совнархозов. А рядом – 1-я, 2-я и 3-я улицы Текстилей.

До отъезда в Сибирь Роман Иванович работал на Богородице-Глуховской текстильной мануфактуре, в горячем красильном цеху, а для души – пел в церковном хоре при старообрядческой общине. Орешкины – как семья победившего гегемона – переселились из казармы в центр города, в мазанку, точнее – в баньку, стоявшую на отшибе в бывшей купеческой усадьбе.

Когда Феня с детьми приехали на Советскую улицу, перед ней разверзлась бездна: у Романа Ивановича на тринадцати метрах жилплощади, кроме родителей, и венчанная жена Евдокия, и двое детей. А сам он – в запое. Такого обмена Феня ему не простила. Какими словами они объяснялись, не угадать, но семейное предание

такое: как только Роман перешагнул порог, пригнувшись, чтоб не удариться о низкую притолоку, Фенечка налетела на него и влепила с размаху такую пощечину, что он – с ног долой, и разбил о дверной косяк затылок, пришлось срочно везти в больницу и зашивать. На обратном пути он говорил:

– Не сердчай, жёнка. Потерпи чуток, я их к тетке свезу, в деревню. Чужие мы друг дружке, не живем – маемся. Разве бы от хорошей жизни я в Сибирь сбежал натурально как каторжник? Но вот тебя, слава богу, встретил, и дочкой Анной мы связаны. Тебя люблю, а от тебя – и твоих дочек, потому что – твои. Прости меня, Феня. Жить буду только с тобой.

И слово свое сдержал. Но той прежней надежной жизни, ради которой Федосья Захаровна с дочерьми махнула через всю страну, не вышло. Что-то разладилось в семейном механизме. Радость что ли ушла? Жизнь протекала унылая и бедная. Роман Иванович пил все больше и от того становился все злее. Он не прощал дочкам, что отличницы. Когда Соню в школе наградили новым портфелем, он изрубил его топором. Когда Ане за отличную успеваемость подарили лыжи, отец сжег их.

– Все, хватит, девки, пора к станку! Пора в шпуньницы, в ткачихи! Умней отца вам не быть, это неправильно и даже вредно.

Феня, бросаясь на него, кричала:

– Последнюю рубашку продам, на черном хлебе с водой жить буду, но дети мои и в Москву поедут, и учеными станут. Еще попомнишь мои слова!

Оказывается, у Фени была мечта.

Однажды к ним в Пески приехали две молодые женщины. Издалека было видно, городские: стриженные, в туфлях и с маленькими, почти игрушечными, кожаными чемоданчиками. День, два, три ходили из дома в дом, пока всех не обошли. Это были врач и медсестра из райцентра – они делали прививки против оспы. Феню сильно впечатлили белые халаты.

– Что это за жизнь? Что за работа такая? Чтобы каждый день в белых халатах, да в чистых! Как богини.

Тогда же она поклялась перед семейной иконой Николая Чудотворца: и Соня, и Аня будут *так* жить и *так* работать – в белых халатах. Когда Роман позвал за собой, Феня ехала не только к нему. Она отправилась за новой жизнью. Ей, может быть, больше бабьего счастья хотелось выучить дочерей. А в Сибири, по ее представлению, учиться было негде. Степь, голая степь – до неба,

глазом не окинуть. Всю жизнь она благодарила Романа Иваныча:

– Спасибо, что вывез из Сибири, а то бы и по сей день в колхозе коровам хвосты крутили, хотя, конечно, и там не пропали бы. Может быть, и девочки мои тоже бы выучились на агронома или на зоотехника.

Она прикидывала скроенную по советскому лекалу несостоявшуюся сибирскую жизнь.

– Нет, хорошо, что все-таки вывез нас из Сибири.

Это была главная заслуга Романа Ивановича перед семьей. Но он об этом так и не узнал, потому что скоропостижно умер прямо в застолье, на поминках своего трехлетнего крестника.

А Фенечкина мечта сбылась – обе дочери стали врачами: Соня возглавляла санэпидстанцию во Львове, а Аня стала известным на всю страну профессором. Но это случилось через много-много лет.

Зимой в школу девочки ходили по очереди, так как валенки были одни на двоих. Но учились обе отлично.

Старшая Соня поступила в Первый медицинский институт, а через год и младшая Аня стала студенткой Гидрометеорологического института по специальности океанология.

И если Соня училась с большим интересом, то у Ани отношения с океанологией почему-то не сложились. Поняв, что это ошибка, она через полгода ушла из института, вернулась в Ногинск и устроилась на работу в регистратуру детской поликлиники – разносила по кабинетам истории болезней. В Ногинске практиковали замечательные педиатры, унаследовавшие лучшие традиции дореволюционной русской медицины. Их имена знали в городе все: Евгений Васильевич Лескин, Антонина Ивановна Волкова, Нина Федоровна Ксенофонтова и другие. Аня видела их каждый день, наблюдала и буквально впитывала в себя их отношение к работе и, конечно, к пациентам.

Рассказы Сони о студенческой жизни, о лекциях известных московских профессоров производили на Аню сильное впечатление. Она стала читать книги по медицине, учебники, которые привозила Соня, главным образом по терапии. Ей не терпелось поскорей поступить в медицинский институт, чтобы выучиться на врача. Она почувствовала: вот ее призвание, и готова была служить медицине. Это решило дальнейшую судьбу. И в этот раз она не ошиблась.

Учеба в институте пришлась на годы Великой отечественной войны. Как и все студентки, она так же голодала и мерзла, так же рыла зимой

1941 года оборонительные рвы на подступах к Москве. При этом училась с большим рвением и только на «отлично».

Энергичная, упорная, старательная, Аня Орешкина выделялась среди однокашников. Профессор А.Л. Мясников предложил ей держать экзамен к нему в ординатуру и потом не раз подшучивал:

– Фамилии у нас очень выразительные: ты – Орешкина, я – Мясников ... хорошо, что не хирург.

Аня Орешкина благоговела перед этим выдающимся человеком, создавшим отечественную школу терапевтов. При случае с гордостью говорила: я – ученица Александра Леонидовича Мясникова.

Много позже Анна Романовна с большой благодарностью произносила имя выдающегося терапевта и клинициста, академика Евгения Михайловича Тареева, который выступал на защите ее докторской диссертации и положительно оценил ее исследования.

Первое место в шкале ее жизненных ценностей всегда занимала работа – гастроэнтерологическая клиника МОНИКИ. Клиника была первым домом и первой семьей, а свой личный дом и своя семья – на втором плане.

Конечно, ей очень повезло с мужем. Судьба послала нужного человека. Даниель Федорович Златкин, по специальности инженер-строитель, фронтовик, очень трепетно относился к жене. Многие домашние заботы и дела – без лишнего слов и без пафоса – брал на себя. Очень гордился, что жена – профессор. И никаких комплексов по этому поводу не испытывал, не соперничал и не выяснял: кто главный, у кого какая зарплата. С пониманием и большим уважением помогал печатать тексты, строить диаграммы, выверять статистику и... готовить обеды.

В квартире не переставая звонил телефон: кого-то проконсультировать, кого-то госпитализировать. Она старалась не отказывать, пристраивала и помогала даже когда распалась большая страна и пациенты стали гражданами других государств. Она помнила многих не только по истории болезни, но и по именам. Отношения с некоторыми пациентами сохранялись многие годы.

Совсем недавно, за год до ее кончины, вдруг раздался звонок из Мюнхена. Оказалось, это давний пациент, художник Слава Бирюков, которого она когда-то вылечила, разыскивает своего доктора, чтобы прислать в подарок картину... И прислал.

Были и другие знаменитые пациенты, ставшие друзьями: поэты Роберт Рождественский, Александр Ревич и Кирилл Ковальджи, композиторы Никита Богословский и Марк Фрадкин, художник Олег Комов, скульптор Николай Никогосян.

Но все знали, что звонить Анне Романовне можно только до девяти вечера, потому что она – типичный «жаворонок», ложится рано и встает рано. Такой режим неукоснительно соблюдался всю жизнь, и это помогло сохранить здоровье и ту удивительную витальность – дар Божий, который поражал окружающих.

Наверное, лет двадцать она ежедневно выходила из дома в шесть утра, когда открывалось метро, чтобы одной из первых рассекать дорожки плавательного бассейна «Чайка», а после – в клинику. Зимой по воскресеньям любила лыжные прогулки в Салтыковке или в Сокольниках – была фанатом свежего воздуха и спорта. Несмотря ни на что, не раз очень тяжело болела, перенесла десять полостных операций, но всегда держалась мужественно и стойко, не перекладывая болезнь и немощь на плечи близких.

Когда в пятьдесят лет Анна Романовна впервые села за руль своей желтой «копейки», начался новый этап жизни всей семьи. Она стала семейным шофером – на дачу в Полушкино и обратно. Даниель Федорович, как неиграющий тренер, сидел рядом. Анна Романовна водила очень неуверенно и очень рискованно. Но Ангел-хранитель ее не покидал, и никаких серьезных аварий, к счастью, никогда не было. Однако в восемьдесят два года с машиной все-таки пришлось расстаться. Она плакала... Ведь это было прощание не только с «железкой», но и с тем образом активной жизни, который она сама выстроила, выстрадала, заработала. Смириться было трудно.

А как она любила путешествия! И командировки! Однажды она заболела тяжелой вирусной инфекцией, и дома все умоляли отказаться от очередной командировки в Берлин. Она вроде бы понимала, что слаба и чувствует себя неважно... Но вдруг сообщила: завтра ее неожиданно забирают в Пущино, пришлют машину, и там на свежем воздухе она скорей выздоровеет. Позднее открылось, что это все-таки было не Пущино, а тот самый Берлин, о чем красноречиво говорила виза в паспорте. Она вернулась здоровой и счастливой.

Как большинство советских людей, Анна Романовна была довольно непривередлива и аскетична в быту. Любила простую еду: квашеную капусту, картошку, отварную свеклу, рыбу и сухое

вино. Сама прекрасно варила борщ с черносливом – фирменное блюдо. Как истинный гастроэнтеролог, ела понемногу, ограничивала себя и всех домашних в сладком и жирном. Но больше всего любила кружевные блины и пироги с капустой, которые пекла ее мама, Федосья Захаровна.

Надо сказать, что Федосья Захаровна была беззаветно предана своей Анечке, которую и любила, и жалела, и помогала ей до последних дней своей недолгой жизни. Она часто называла дочку труженицей. Из ее уст это звучало не только уважительно, но и очень сочувственно.

Анна Романовна много читала и следила за новинками литературы. До сих пор на даче хранится подписка журнала «Иностранная литература» с 1960 года. Одним из любимых романов стал «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» Ричарда Баха. Она и сама, наверное, хотела бы превратиться в эту легендарную чайку, которая летала выше других... Может быть, поэтому она любила эти мои стихи:

На острова мне, на острова,
где в звездах морских зелена трава.
Разлуки хлебнув, как соленой волны,
навыворот, навыворот, на валуны.

Здесь – птичьи базары. Здесь – море чаек
охвачено криками чрезвычайцаек.
Здесь в перерыве покажут сон
о чайке по имени Джонатан Ливингстон,
чи дерзкие несоразмерны крыла:
на воробышку и на орла,
чтоб в небо чистой воды напрямик...

А я так легка на подъем и мала!

Но есть в сердце воздух, а в воздухе – крик:
на материк, на материк...

Живя на Таганке, Анна Романовна часто ходила в театр к Юрию Любимову. Ходила на «лишний билетик». Для этого надевала замечательный большой белый берет, в котором была неотразима, и «лишний билетик» всегда находился... или билетерши, узнававшие ее, предлагали приставной стул.

Ее друзьями были в основном коллеги по институту: Е.В. Вербенко (ближайшая подруга), В.И. Францев и его жена Елена Евгеньевна, Н.Р. Палеев, Л.А. Эндер, В.Ю. Островский и другие. Их сблизила не только работа: почти все одновременно приобрели через профком

машины и сели за руль, вместе организовали группу английского языка... В общем, дружили домами и семьями.

Анна Романовна очень ценила многолетнюю дружбу и профессиональное общение с Л.И. Аруином, В.С. Смоленским, Я.С. Циммерманом из Перми, А.В. Фролькисом из Петербурга, В. Кулик из Льежа (Бельгия) и другими. Она опекала и воспитывала своих учеников и последователей, среди которых Е.А. Белоусова, возглавляющая сейчас гастроэнтерологическую клинику МОНИКИ.

Анна Романовна Златкина прожила долгую, трудную, но очень счастливую жизнь. Она состоялась как личность и как профессионал высокого класса.

Но жизнь ее – не в физическом смысле – кончилась ровно в тот день, когда она перестала работать в клинике. Ее как будто отключили от важнейшей системы жизнеобеспечения. Может быть, поэтому Анна Романовна не отказывалась при случае «подлечиться» в клинике, хотя отлично понимала: вряд ли ей станет лучше. Но еще раз вернуться в родные стены, еще раз увидеть лица людей, с которыми столько связано и столько пережито, было для нее целительно, дорого и... необходимо. Не все понимали это. Но руководство института и клиники никогда не отказывало ей, здесь ее принимали и лечили словом и делом. Мы с благодарностью помним об этом.

Последние девять лет, когда мама практически не выходила из дома, а по квартире перемещалась в ходунках, стали не просто тяжким временем доживания, но и просветления, терпения и смирения. Мама очень изменилась. Она стала молиться.

Отец Павел (Конюхов), который служит в одном из самых древних московских храмов – Трифона в Напрудном, что почти на территории МОНИКИ, за месяц до кончины соборовал маму и сказал мне, что раба Божия Анна вполне готова и обитает уже в других пределах...

Только мама
приучала любить оливки,
по-русски – маслины.
В упрямыстве ослином
я бежала этой культурной прививки
за тридевять жарких земель,
в рощи оливковых олеографий,
выстроенных в каре,
где любое древо – библейских плодов колыбель,
на аттестат зрелости сдавших в ноябре.

Только мама
почти до зимы
Серой Шейкой плескалась в пруду
и, лыжню проложив ни свет, ни заря
вкруг Новоспасского монастыря,
себя не тратила на ерунду.

По цвету лица узнавала гастрит,
и разные язвы, колиты, особенно в марте:
*покажите язык, – говорит –
рельеф как на географической карте...*

И все кого-то спасала,
ученые книги писала,
так впряглась, так работала на ура –
рабочая лошадь вышла в профессора.

Но теперь –
ореховой легче скорлупки –
она крутит на чистом пуху головой
наподобие допотопной голубки –
ее из ковчега выпустил Ной,
чтоб гулила дочкой моей родной

А я мычу,
неисправно молчу
до самых азов любви:
*мама, горячая моя точка,
мама, последняя моя отсрочка,
поживи еще, поживи!*

Siberian Essay on Anna R. Zlatkina

G. Klimova